

Глава вторая
**«КО УВРАЧЕВАНИЮ РАСКОЛОМ
НЕДУГУЮЩИХ»**

— Воображаю, что они там понапишут до конца суда!— подумала Алиса.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

В начале XVIII в. по личному распоряжению Петра I в Керженских скитах Нижегородской губернии вел обращение старообрядцев поповского и беспоповского толка архимандрит Успенского монастыря на Белбаше и Керже Питирим. Проповеди бывшего раскольника и монаха имели разную степень успеха: даже в 1716 г. число активных противников официальной религии здесь доходило до 40 тысяч человек¹. Споры Питирима с идеологами старообрядчества порой достигали необычайной остроты, вынуждая их участников изыскивать все новые и новые аргументы. Во время одного из таких «прений» в 1709—1711 гг. Питирим предъявил своим противникам рукописную копию постановления собора, бывшего в Киеве в XII в., в котором осуждался некий еретик Мартин, проповедовавший отмененные никоновской реформой церковные обряды. По словам Питирима, копия была получена им в 1709 г. от крупного деятеля русской православной церкви Дмитрия Ростовского, пользовавшегося большим авторитетом и в среде противников никоновской реформы.

Официальная версия дальнейшие события излагает следующим образом. Старообрядцы, «по заматерелому своему обычаю не верствующе, просили видети самое сущее (то есть подлинник постановления.— В. К.) и вопрошали, какое оно на хартии или на бумаге писано, и русским или иным языком, и прочая». Питирим был вынужден внять требованию своих противников. Он обратился с письмом к рязанскому и муромскому митрополиту Стефану Яворскому «о взыскании» оригинала документа, получившего название «Соборного деяния». Для его розыска в августе 1717 г. с царским указом в Киев был послан монах Феофилакт. Во исполнение этого указа киевский митрополит Иоасаф Кроковский «велел по всем книгохранильницам оного соборного деяния прилежно искать».

Фрагмент текста (начало)
«Соборного деяния».

СОБОРНОЕ ДѢЯНІЕ
На еретика Наменина
Намника Матвѣя блвго.
Съсобаніа Мира. СХЗЕ,
Аѣпоплоти Говдѣста Хрѣ
дрогодѣмца Юніа въ
Здѣ Приселка мѣднѣ
Гостисладе мѣстислѣ
тс. И пригостодинѣ мѣ
рокопѣтѣ Констансина
зограде Кіеве мѣстѣ Соборѣ.
Божественнаго мѣна на прѣ
мѣна Намника Матвѣя на су
щѣ еретика съсоборѣ мѣ
матвѣя мѣнѣхъ, велисѣ мѣ

Здѣ

Вскоре игумен Николо-Пустынского монастыря Христофор Чарнуцкий обнаружил в библиотеке своей обители разыскиваемую рукопись: «Книга в поддесть, на пергамене писаная, плеснию аки сединою красящаяся и на многих местах молием изъядена, древним белоруским характером писаная». В начале сентября 1717 г. рукопись вместе с восемью другими печатными и рукописными книгами (печатный «Апокрисис или отповедь о соборе Берестенском» из киевской церкви Святой Софии, рукописный летописец Киево-Печерского монастыря, печатные Требник, «Собрание об артикулах веры», «Книга Никона Черные горы» из того

же Николо-Пустынского монастыря, печатные Псалтырь и Требник, пергаментное Евангелие, «прежде Батя писано» из киевского Межигорского монастыря) были отправлены в Москву Стефану Яворскому. В январе 1718 г. они оказались в распоряжении церковного иерарха, который приказал изготовить с «Соборного деяния» копию и отправить ее вместе с другими киевскими книгами и рукописями Питириму. Подлинник «Соборного деяния» вместе с сопроводительным письмом киевских церковнослужителей по указанию Стефана Яворского были отданы «на Печатный двор в государеву книгохранильницу» и записаны в реестр.

«О всех же сих приключившихся» событиях стало известно вскоре Петру I, который, «сострада о погибающих в расколе соотечественниках... повеле оное соборное деяние... ныне типом издати скорого ради размножения ко уврачеванию расколом недугующих». В апреле и ноябре 1718 г. «Соборное деяние» было издано соответственно в Москве и Петербурге², а спустя два года — в Чернигове³. Эти издания состояли из четырех частей.

Первая часть представляла собой «Предисловие увещательное к растерзателям ризы Христовой» с рассуждением о заблуждениях раскольников. В заключении говорилось: «И аще новая вас соблазняют, восприимите ветхая, сиречь старинную в наставление ваше книгу харатейную».

Вторая часть — «Сказание о взыскании и печатном издании книги сея» — содержала пространный рассказ об истории разыскания и находки «Соборного деяния», а также включала тексты сопроводительного письма из Киева в Москву, при котором направлялась рукопись обнаруженного документа за подписями игумена Свято-Михайловского монастыря Варлаама Лиенкецкого, архимандрита Киево-Печерской лавры Иоанника Сенюторвича, игумена Николо-Пустынского монастыря Христофора Чарнуцкого, архимандрита Межигорского монастыря Иродиона Жураховского, митрополита Иоасафа Кроковского, и резолюции Стефана Яворского о помещении «Соборного деяния» в библиотеку Печатного двора.

Третья часть включала собственно «Соборное деяние на еретика Арменина мниха Мартина в лето от создания мира 6665, а от плоти Рождества Христова 1157 году месяца июня в 7 дней».

Четвертая часть представляла текст «Слова святого Софрония патриарха Иерусалимского», заимствованный из пергаментного Требника Синодальной библиотеки, и была озаглавлена «Свидетельство на некая действия и речения церковная». Требник датировался первой половиной XIV в. и определялся как принадлежавший в то время московскому митрополиту Феогносту. Для доказательства этого приводился текст приписки митрополита на листах рукописи: «Подпись по всем листам руки самого святого Феогноста митрополита Московского». В ней говорилось: «Книга, рекомая Потребник, переведена с моей келейной книги гре-

ческой, зовомья Ексхологион, на русский язык по прошению моему грешному. По повелению же великого князя Ивана Даниловича, по реклу Калиты. И яз, грешный митрополит Феогност сию книгу сводил с своею, с нея же велел переводити, и она во всем добра и право переведена, тово дея и рукою моею грешною на сей книге написал есми. В лето от сотворения мира 6837 и от плоти Рождества Христова 1327 месяца августа в 27 день».

В предисловии к публикации неизвестный автор заявлял, что теперь всякий непредубежденно настроенный человек, прочитав «Соборное деяние» и взятое из Требника «Слово» патриарха Софрония, может убедиться в исторической обоснованности никоновской реформы. Впрочем, откровенно заявлял он, «аще же сими из толь древних харатейных книг, изъятыми писании кто-либо не увещается, глаголя: аще не увижду самих тех харатейных, не иму веры, таковому и самыя оны обе книги с прочими древними в Московской типографии ко уверению повелением царского пресветлого величества видети без всякого страха и без сомнения попускается».

Итак, публикация включила тексты двух древних источников, имевших прямое отношение к спорам официальной церкви со старообрядцами по целому ряду вопросов обрядового и теологического характера. «Соборное деяние» подробно рассказывало о ереси некоего Мартина Арменина. Появившись на Руси в XII в. и назвавшись греком, родственником царьградского патриарха Луки Хризотерха, Мартин написал и распространил в ста списках книгу «Правда», которая «веле содела в Русе смущение христианом, паче же онем, иже неискусили писания».

«Соборное деяние» детально раскрывает суть учения еретика Мартина, проповедовавшего совершать литургию по чину католической церкви, поститься в субботу, при крещении возносить сначала руку на левое плечо, сугубить (то есть говорить дважды) аллилуйю, имя Иисус писать сокращенно — Исус, разрешать инокам есть мясо и т. д. Иначе говоря, в «Соборном деянии» пространно изложены все обрядовые и другие особенности православного чина служения, осужденные собором 1666—1667 гг., но отстаиваемые раскольниками в спорах с представителями реформированной патриархом Никоном русской церкви.

Далее в «Соборном деянии» рассказывается, что «возмутительное письмо» Мартина и его автор стали предметом рассмотрения специально созванного для этой цели в 1157 г. при киевском великом князе Ростиславе Мстиславиче митрополитом киевским Константином собора. Митрополит Константин опроверг еретическое учение Мартина, обнаружив в нем ересь «жидовскую, армянскую и латинскую», а собор, встретив упорное нежелание еретика отречься от своих заблуждений, определил отправить подобное описание его учения в Царьград к патриарху Луке Хризотерху. Царьградский патриарх собрал собор для рассмотрения

ГИИПЕГЕ СЕ НАШЪ ПОМОУЖИ МРБУ ТВОЕМУ ПОВОПРЪВЕДЕ П ПУТЬ КИЗНЪ СПРО РЕЖЕ СЕТЬ ПОТРЕБНИКЪ НАУАТИ НОКО ПУАТИ РЕЖЕ СТЬ НА ПСАТИ, ВЕДАНЫ КАКОЩЕ КЪЗАНТИ НЕЗ ПОЛОЖИТИ ВЪ НОВОЕ ДАННО МЪ УРАМЪ ДАНЪ О АРХИЕП АРХИМАДАНТУ ПАПИГУАЛЪНУ НА ПЛОТОНОУ НА ПЛОСУНЪ РА ППУ НА СЪЗЕНСКУ СТУ ХРАКОУ СЪЩЕ НОУ БЫШОУ ПР ДОДНЪ ПОСЛА СЪХИМОУ ЖЕТО БНАНЪ АРХИЕРМИ ИГОСТИ БАА	СТИВА ЛРТЕ ОУХ ПАУНЪ СРТЕ ОУГАЛУ СТОЛА ППОЕТЛА ААА А ВЕ ПЕРЛА ПОВРЪВАНТИ КИ ВЕ ПОЦНОТЪ ДЪ ПЪ ППОУСТИ ОУ ПОТЛА ОБЕ ПОВАЛНА ПУРАА ПОВУТРИ ПЪЖИ ВЪ АНЪ ОЩЕ ЫМО ДЪ ТАНА ПСТА ВЛА ПТСА СТОЛА ППАНА ИЗУЩА ПБА ПКА ТОТЪ ВЪ НЕМЪ ОДОУ ППОЛАЖИ ПТА ПА БАЛО ДЪ БУТИ ПЪ КЪТЪ Б А ПЛА КА АЪ ППОДЪ Б А ПТА ППАУА ПТА П ПОВЕ О ВЪ ПУ ПУ ПЦА ПУ ПУ П СКОУ П О ДЪ П ОУ П А Р О П С К А П С П П П П К С П П П П П П П П П П П П П П П

Фрагмент текста «Требника митрополита Феогноста».

киевского «деяния». На нем было подтверждено осуждение Мартина. Иеромонах Исайя доставил в Киев послание патриарха Луки. Митрополит Константин вновь созвал собор в 1158 г. На нем было заслушано послание Луки ХризOVERха, где Мартин был заклеймен как придерживающийся «ересям множайшим». Мартин обещал покаяться и через три дня представил письменное объяснение. Из него стало известно, что он родом армянин, сын священника, жил у родителей до 30 лет, потом посетил Рим, где пробыл семь лет, затем отправился в Константинополь. «Уведав же Руссиов яко не давно просвещены крещением, помыслих в Руссии на начальство духовное уллучити, того дела семо приидох и положих тщание еже бы желаемого получитьи, для того дела наименовах себе греком, чтобы мне лучше верили». Далее он признавался: «Верую же яз ни во арменском законе, ниже в латинском, ни в греческом, но от всех имех по части и мнех быти сие едино праведно». Покаявшись перед собором, Мартин тем не менее отказался признать себя отступником по двум пунктам предъявленных ему обвинений, за что был предан анафеме, отправлен в Константинополь, где был осужден на сожжение после споров с Лукой ХризOVERхом.

Что же касается «Требника митрополита Феогноста», то из него были приведены тексты, приписываемые иерусалимскому патриарху Софронию. В них также осуждались обряды, защищаемые старообрядцами и отмененные патриархом Никоном. Древность Требника, как уже отмечалось, подтверждалась владельческой записью митрополита Феогноста, прибывшего из Греции на Русь при Иване Даниловиче Калите и якобы привезшего с собой древний греческий оригинал этой богослужебной книги.

Таким образом, противникам официальной русской церкви сначала устно, а затем в печатном виде были представлены два древних документа — исторические источники, из которых следовало, что еще в глубокой древности обрядовые и другие отличия, отстаиваемые старообрядцами, подверглись решительному осуждению как русской, так и православной церковью. Отсюда с неизбежностью вытекал вывод о том, что никоновская реформа — это лишь один из последних эпизодов борьбы с ересью, засорявшей своими лживыми учениями древний православный обряд.

Можно легко представить то смятение, которое вызвала эта публикация в среде старообрядцев, которым оставалось либо признать, что их учение является действительно давно развенчанной ересью, либо найти способ опровержения содержащихся в «Соборном деянии» и «Требнике митрополита Феоноста» серьезных аргументов. И то и другое было невозможно сделать без строгого критического анализа предъявленных документов, в том числе без непосредственного знакомства с их оригиналами.

Избранный идеологами старообрядчества второй путь привел их не только к беспощадному разоблачению фальсификаций, но и к настоящему научному подвигу, вылившемуся в создание первого в России источниковедческого, палеографического и лингвистического труда, который предвосхитил своими наблюдениями, методикой и выводами достижения последующей историко-критической мысли. Разоблачение фальшивок, известное как «Поморские ответы», обесмертило их авторов.

Старообрядцы со всей серьезностью отнеслись к тому, чтобы разоблачить подлоги, в отличие, как увидим ниже, от авторов фальсификаций, не позаботившихся должным образом о «прикрытии» своих изделий. Прежде всего они приложили немалые усилия для ознакомления с оригиналами изданных источников. В Москву «не единожды» посылался знаток древних рукописей Мануил Петров, «дабы очевидно узрети» рукописи. Мануил Петров «обрете их в Москве на Печатном дворе, лежащая для смотрения всем на столе и прикованная суть к стенке изрядною цепью, дабы или не были ким унесены или бо инако как пропали», — сказано в житии одного из авторов «Поморских ответов»⁴. Не без опасения, очевидно, Петров входил в комнату, где демонстрировались рукописи, ибо при них «аки на страже присно стояще монах белорусского сущь прирождения и учения и зело быстрыми очима на смотрящих острозрительно книги тыя смотряше и якобы каждого мысли о них хотяше ведати...»⁵ Но Мануил не терял присутствия духа «и по многократном к ним приходе, улучи некогда время монашеского стояния тут праздное и тако в желаемой свободе зело их (то есть рукописи. — В. К.) рассмотри, добре преврачая, аможе желаше. И узри тогда все качества ухищрены и дивное смешение новости з древностию про-

Портрет одного из деятелей поморского старообрядчества XVIII в.

стым очесам почти и непонятное... и тако толкочастие вся испытав, взя же с них и верное преписание»⁶.

Рискованные действия Мануила Петрова оказались не напрасными. В распоряжении авторов «Поморских ответов» (братьев Денисовых) оказались подробное описание внешнего вида (переплета, манеры скрепления листов, выделки пергамента и т. д.) и даже «преписание», то есть точные копии (факсимиле) почерков рукописей. Они запаслись летописями, хронографами, печатными изданиями, в том числе сочинениями Дмитрия Ростовского, сумели ознакомиться со второй древнейшей датированной славянской рукописью — Изборником Святослава 1073 г., ставшей известной научной общественности лишь во второй половине XVIII в.

Первая редакция «Поморских ответов» была закончена уже 4 мая 1719 г. и тогда же передана Питириму. Разоблачение подделки здесь осуществляется по четырем направлениям или «винам». Говоря о первой «вине», авторы «Поморских ответов» обращают внимание на то, что во всех известных и авторитетных источниках (летописи, Степенная книга, Кормчая книга, житие митрополита киевского Константина, Минейя) ни словом не упоминается собор 1157 г. Ссылаются они и на авторитет таких церковных писателей, как Симеон Полоцкий и Дмитрий Ростовский, которые в своих трудах, в том числе посвященных полемике со старообрядцами, также ничего не говорят о древней ереси Марти-

Один из списков (1723 г.)
«Поморских ответов».

СВѢТЫ ПУСТЫ
ННО ЖИТИИ :
НАВОПРОСЫ ІЕРОМО
НАУА НЕОФИПА :
ВОПРОСЪ. А :
СПРВУХЪ ПРОСИМ,
ДА СКАЖЕТЕ НА

СНачала ирѣчїи въпросїица, 3г
май • вси православїи христіани . аминь

на Арменина. Не знают об осуждении еретика и антиохийские и царьградские церковные писатели.

Вторая «вина» касалась изобличения хронологических несообразностей «Соборного деяния»: в нем дата созыва собора — 6652 г. от сотворения мира (1144 г.) — повторена четыре раза, но при этом сказано, что он состоялся при киевском митрополите Константине и при великом князе киевском Ростиславе Мстиславиче. Между тем, отмечается в «Поморских ответах», все известные источники говорят о том, что в этом году ни Константин не был киевским митрополитом, ни Ростислав Мстиславич — великим князем киевским. Далее в «Соборном деянии» сказано, что киевский собор, окончательно осудивший Мартина, состоялся в 1160 г. по Рождеству Христову. Мало того, что в древних рукописях всегда летосчисление ведется от сотворения мира, а не от Рождества Христова. Но даже если перевести эту дату на летосчисление от сотворения мира, то все равно не получится 6652 г. Авторы «Поморских ответов» обратили внимание на противоречия во времени проведения собора между пергаментным списком «Соборного деяния» и копией с него, впервые предъявленной Птитиримом: в первом собор отнесен к 6665 г., а во второй — к

6652 г. Иначе говоря, подчеркивается в «Поморских ответах», в пергаментном оригинале собор отнесен на 12 лет позднее по счислению от сотворения мира и на 3 года ранее по счислению от Рождества Христова. В нем как бы поправлена ошибка копии, бывшей первоначально в руках Питирима. Но даже если следовать хронологии пергаментного списка «Соборного деяния», то и тогда год созыва собора не соответствует княжению в Киеве Ростислава Мстиславича, при котором к тому же митрополитом был не Константин, а Феодор.

В рамках второй «вины» авторы «Поморских ответов» отмечают еще ряд несообразностей. В древних рукописях внизу страницы и в начале следующей никогда не писались «предречия» — повторения части слова, подлежащего переносу, ставшие традиционными значительно позднее. Между тем в пергаментном списке «Соборного деяния» такие «предречия» встречаются постоянно, указывая тем самым, что рукопись создана в «новейшее время». Далее бросается в глаза несоответствие языка «Соборного деяния» древнему языку, наличие в нем многочисленных примеров «нынешнего выговору» («Россия», «народ Российский» и т. д.). Наконец, авторы «Поморских ответов» сочли необходимым упомянуть и еще два аргумента: отсутствие в «Соборном деянии» отречения Мартина от своей ереси за его подписью и умолчание о присутствии на соборе епископов всех «областей», что обязательно требовалось апостольскими правилами.

В третьей «вине» авторы «Поморских ответов» собрали все противоречия «Соборного деяния» с «древлецерковным содержанием». Они отмечали, что свидетельства документа о существовании двуперстного сложения уже в XII в., написании имени Иисус сокращенно опровергаются древними датированными рукописями и иконами, сочинениями Максима Грека, Иоанна Дамаскина. В то же время этими же источниками подтверждается, например, издревле существовавшее на Руси двоение аллилуйи.

Еще более убийственными для разоблачения подделки оказались критические замечания авторов «Поморских ответов» о палеографических признаках рукописи «Соборного деяния». Они «дивились» чернилам и почерку оригинала («белорусским, нынешняго веку пописи, аже в древлехаратейных мы не видехом чудимся, и еже буквами белорусскими писано, а речьми московскими, чесого в древних книгах не случися нам видети»), тому, как легко «распрягаются» листы рукописи, что вместо традиционно использовавшихся для переплета досок употреблен картон, неизвестный в древности. Наконец, по их мнению, митрополит Константин, прибывший в Киев всего за год до описанных в «Соборном деянии» событий, вряд ли мог в совершенстве узнать русский язык.

Не прошли авторы «Поморских ответов» и мимо «Требника митрополита Феогноста». Прежде всего они обратили внимание

Один из списков (XVIII в.)
«Поморских ответов».

**Ш Н О Б О Ш Е Р Ъ Т Е Н О М Ъ
ДѢЛНІИ СОБОРНѢМЪ .**

Сѣи чѣшъ изнесеца новобрѣтенная книга
Дѣланіе соборное, ꙗкоу бы бывше в шестомъ
на иже славянского мартіа Ерестіа, ꙗкоу
схѣде . Онъ сѣи приперестіи ели сѣи чѣ
шѣрѣшѣи . ꙗкоу сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи
на сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи . Оно дѣланіе
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи . Егда до единешпѣи
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи . прѣсѣде
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи . ꙗкоу бы
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи .
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи .
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи .

Ш О М А Л ДѢЛНІИ ПЛѢСКИ МѢ МНОГО СОДѢ
НІИ НИМШЛЕНІЕ . Сѣи сѣи сѣи .

ПЕРВОЕ . Не достоитъ бѣти ꙗкоу . ꙗкоу
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи . ꙗкоу бы
сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи .

ВТОРОЕ : Врѣмъ оно патрѣшнее ꙗкоу

Сѣи сѣи

Сѣи сѣи

на то, что даже патриарху Никону, отовсюду собиравшему бого-
служебные книги в связи с задуманной им реформой, осталась
неизвестной эта рукопись, что позволяет говорить о ее создании
не при Иване Калите, а после никоновской реформы. Далее они
отмечают, что подобный «Требник» существует в единственном
экземпляре, тогда как ввиду важности зафиксированного в нем
церковного чина его списки должны были обязательно быть «по
всем прочим епископиям и градом». В «Требнике» приведены
сочинения иерусалимского патриарха Софрония и Леонтия Ва-
сильсамона, не известные ни русской, ни константинопольской
церквам. Кроме того, в этих произведениях допущена грубейшая
ошибка в написании без титл имени Иисуса Христа, язык рукопи-
си наполнен многочисленными современными выражениями, не
существовавшими в древности.

Значительную часть «Поморских ответов» составляет анализ
чина служения «Требника». Главный вывод, который был сделан
их авторами, заключался в том, что и с этих позиций «Требник»
написан «по нынешней обыкности», то есть по чину служения,
установленному никоновской реформой.

«Поморские ответы» уже в своей первой редакции по суще-
ству полностью разоблачили предъявленные старообрядцам «до-
казательства» еретического характера их учения. Несмотря на то,

что эта редакция была издана лишь в 1907 г. в Нижнем Новгороде⁷, старообрядцы размножили ее в списках. В. Г. Дружинину, специально занимавшемуся историей подготовки этого сочинения, было известно 22 таких списка⁸. Сейчас их известно намного больше.

Однако и после такого аргументированного разгрома фальшивок их история не закончилась. В 1722 г. для «увещания» выгорецких беспоповцев был послан иеромонах Неофит, предъявивший 106 вопросов об их учении, в которых вновь фигурировали и «Соборное деяние», и «Требник митрополита Феогноста». Сохранилось известие, что выговцы подали ответы на эти вопросы 21 июня 1723 г. в двух экземплярах: один — Неофиту, другой — сенатору А. В. Олсуфьеву для передачи Петру I⁹.

Вторая редакция «Поморских ответов», сохранив все прежние аргументы, содержала и ряд новых доказательств. Прежде всего, авторы второй редакции уделили больше внимания расхождениям между списком Питирима, снятым якобы с копии, принадлежавшей Дмитрию Ростовскому, и пергаменным оригиналом «Соборного деяния». Приведя параллельные чтения из того и другого списков, они показали, что пергаменный оригинал по существу представляет собой сокращенную редакцию «Соборного деяния» питиримовского списка. Как могло это произойти, недоуменно задавали вопрос критики, если деятели официальной церкви утверждают, что пергаменный список являлся оригиналом для списка Питирима? И логично заключали: «И аще бы в списке противу харатейного пропущены были сия речи, ничто же бо дивно сие было. Ельма же в харатейном пропущены сии речи показуется, яко бы харатейное с оного списывано естъ. Тем же обоя великого сомнения и недостоверства исполнена суть». Более того, авторы обнаружили и показали читателям, что «многия речи в харатейном применены и яко бы справлены противу списка» Питирима¹⁰.

Возвращаясь к «Требнику митрополита Феогноста», авторы второй редакции также усилили свои аргументы в доказательство его подложности, особо подчеркнув, что в древних рукописях летоисчисление ведется от сотворения мира, а не от Рождества Христова.

Вторая редакция «Поморских ответов» впервые увидела свет в Буковине в 1884 г.¹¹ и затем издавалась еще трижды. Однако, как и первая редакция, она до издания широко распространилась в списках. Дружинину было известно более 55 списков этой редакции¹².

Доказательства подлога «Соборного деяния» и «Требника митрополита Феогноста» в «Поморских ответах» оказались настолько основательны, что к ним трудно что-либо добавить.

Идеологическая подоплека, а следовательно, и мотивы подделки «Соборного деяния» и «Требника митрополита Феогноста»

очевидны: так русская официальная церковь боролась с расколом. Любопытно, что сохранилось упоминание о возможной причастности самого Петра I к идее изготовления фальшивок¹³. Фальсифицированные факты прошлого в ряду других аргументов борьбы с расколом обращали внимание современников на якобы давно развенчанные постулаты «расколоучительства». Однако авторы подделки явно недооценили важность содержательной и технической сторон фальсификаций, подставив их под удар образованных идеологов раскола. Тем не менее это обстоятельство ни в коей мере не умаляет тех усилий, которые были затрачены фальсификаторами. Подделка в этом отношении представляет несомненный интерес.

Прежде всего заметим, что оказался неслучайным выбор героя фальсификации, времени и обстоятельств его действий. Авторы подделки серьезно поработали с подлинными историческими источниками. Уже в XII в. богословские споры достигли Руси, о чем повествовала, например, широко известная в XVIII в. Никоновская летопись. В ней и других летописях рассказывается, в частности, о бурных прениях, развернувшихся в середине XII столетия вокруг соблюдения поста в среду и пятницу, если в эти дни недели случались великие праздники. Так, ростовский епископ Леон рьяно отстаивал необходимость отказа от употребления мяса в такие дни. Его опровергал суздальский епископ Федор. По сообщению летописей, в присутствии великого князя Андрея Боголюбского «бысть тяжа про то велика». В конце концов истину стороны решили искать в Греции. По пути туда, в ставке греческого императора Мануила на Дунае, болгарский священнослужитель Адриан подтвердил правоту епископа Федора. Однако Леон не согласился с ним, дерзко спорил и едва не был утоплен в реке греческими священниками¹⁴.

Таким образом, русские летописи, а возможно, и другие источники подтолкнули авторов фальсификации на изобретение «сюжета» «Соборного деяния». Очевидно, не долго им пришлось размышлять и над прототипом своего героя. Искать его среди русских еретиков им показалось неудобным — фальсификаторы были, разумеется, приверженцами не только своей веры, но и патриотами своего отечества. Важно было показать связь учения придуманного ими еретика не только со старообрядчеством, но и с католичеством. Тем самым наносился двойной удар: и по католичеству, по крайней мере часть догматов которого осуждалась еще греческими деятелями церкви в XII в., и по старообрядцам, отдельные элементы вероучения которых возводились к католичеству. И здесь на помощь авторам фальсификации пришло знание зарубежной литературы и источников. В сферу их внимания попало, в частности, сочинение польского историка XV в. Я. Длугоша. В нем Длугош среди прочего сообщал, что в 1233 г. киевский князь Владимир Рюрикович изгнал приора латинского

храма святой Марии (находившегося в Киеве) некоего Мартина вместе с другими католическими монахами, ибо испугался, как бы «эти проповедники не доказали, сколь далека греческая вера от истины»¹⁵. Разумеется, последнее соображение нисколько не могло удовлетворить фальсификаторов, зато само упомянутое Длугошем имя показалось им подходящим для героя, тем более что оно оказалось связанным с представителем католической церкви.

Итак, сюжет и герой были найдены, и авторы приступили к «творчеству». Сейчас невозможно в подробностях восстановить, как это было. Остаются неизвестными лица, изготовившие «Соборное деяние». Наличие в нем ряда белорусизмов, обнаруженное знание польской литературы (а значит, и языка) указывают на то, что подделка вышла из среды западнорусского (белорусского) православного духовенства (возможно, к ней приложили руку те, кто подписал письмо, с которым подделка была направлена в Москву). Существовало по крайней мере две редакции подделки. Первая обнародована Питиримом в 1709—1711 гг. Вторая представляла собой уже более тщательно сфабрикованный документ — именно этой редакции приданы соответствующие признаки «древности», по которым был нанесен уничтожающий удар раскольниками.

Что же касается «Требника митрополита Феогноста», то его появление только в публикации «Соборного деяния» определенно говорит о том, что фальсификация этого памятника была осуществлена уже в Москве, сразу после поступления сюда «Соборного деяния».

Таким образом, фальшивки оказались разоблаченными спустя несколько лет после их изготовления. Казалось бы, на этом и должна была закончиться их жизнь как подлинных исторических источников. Но официальная церковь не только не спешила признать подлоги, а наоборот, поставила задачу во что бы то ни стало дискредитировать «Поморские ответы». Это было поручено известному иерарху Феофилакту Лопатинскому, который и представил свой труд в 1734 г. Очевидно, даже Синод остался неудовлетворен этим опровержением. Сохранилось устное предание, согласно которому Лопатинский в своей критике «Поморских ответов» обошел вопрос о подлинности «Соборного деяния» и «Требника митрополита Феогноста», заявив: «Пусть на сие пишут возражения тии, которые в том Питириму помогли, а я писать никогда на то не буду...»¹⁶ Рукопись Лопатинского была направлена на просмотр одному из «первооткрывателей» «Соборного деяния» — Питириму. Видимо, и Питирим оказался не очень доволен сочинением своего коллеги — во всяком случае ни тогда, ни спустя годы оно так и не было напечатано. Вновь о труде Лопатинского заговорили только в 1742 г., когда Синод направил его на изучение и дополнение знаменитому Арсению Мацеевичу —

тобольскому, а затем ростовскому митрополиту. Мацеевич в своем отзыве писал: «Учиненные покойным Феофилактом, архиепископом тверским, на те раскольничьи ответы возражения надлежит по исправлении выпечатать немедля, дабы злохульники и суеверцы раскольники на церковь святую блевотин своих не испущали...»¹⁷

Увы, праведный гнев прославленного иерарха не мог заменить аргументы, которые, видимо, не находились. Несмотря на то что в 1743 г. Синод, торопя Мацеевича, просил его «подтвердить еще указом, дабы, во-первых, без всякого продолжения в какой возможно скорости вышепоказанное возражение свидетельством окончил, которое по окончании со мнением своим прислать...»¹⁸, труд Лопатинского с исправлениями и добавлениями Мацеевича также не увидел света.

К этому времени церковь нашла достаточно хитроумный способ «отстоять» подлинность прежде всего «Соборного деяния» и приглушить резонанс от «Поморских ответов». По позднему признанию митрополита Филарета, «Святейший Синод, найдя сей документ подверженным сомнениям и спорам и зная, что раскольники, по их нерассудительности, оспаривание одного документа могут принять за оспаривание всей правоты церковной .. рассудил устранить сей документ от продолжения споров...»¹⁹. «Соборное деяние» было опечатано печатью Синода и вместе с «Требником митрополита Феогноста» передано на хранение в московскую Синодальную библиотеку²⁰. Таким образом, оригиналы двух подделок были изъяты из общественного оборота, что исключало какую-либо возможность сопоставления палеографической части «Поморских ответов» с внешними признаками «Соборного деяния» и «Требника митрополита Феогноста».

С тех пор официальная церковь предпочитала вообще не упоминать о своих «прениях» со старообрядцами о существовании рукописей «Соборного деяния» и «Требника митрополита Феогноста». Однако, замалчивая рукописи, она вовсе не отказалась от признания достоверности самого собора 1157 г., изобретая для этого все новые и новые доказательства, а подчас идя и на откровенный подлог. В этом смысле весьма характерен «аргумент», приведенный в послании 1780 г. архиепископа херсонского Никифора к раскольникам: «Деяния одного собора рукописные, даже до сих пор находятся в Риме в библиотеке Ватиканской, почерком преизрядным начертанные и собственноручным подписанием епископов утвержденные, как свидетельствует очевидный свидетель Аллатий в своей книге, нарицаемой "Беспрерывное восточной и западной церкви согласие"»²¹. Таким образом, скептикам, не имевшим возможности ознакомиться с оригинальной рукописью киевского собора 1157 г., предлагалось еще менее осуществимое дело: обратиться в библиотеку Ватикана, чтобы воочию убедиться в наличии определения о Мартине Арменине констан-

тинопольского собора 1158 г., которое якобы имело все признаки подлинности, отсутствующие в русской рукописи.

«Прения», которые вела официальная русская церковь со старообрядцами по поводу осуждения в XII в. еретика Мартина, естественно, попали в сферу внимания ученых. Развивавшаяся отечественная историческая наука не могла пройти мимо столь важного факта древнерусской истории. И весьма символично, что одному из лучших историков XVIII в. Г. Ф. Миллеру принадлежала хоть и осторожная, но публичная постановка вопроса о подлинности «Соборного деяния». В 1771 г. при открытии Вольного Российского Собрания при Московском университете он предложил желающим защитить «Соборное деяние» от нападок раскольников. По словам Евгения Болховитинова, за это взялся протоиерей московского Успенского собора П. А. Алексеев. Однако сделал он это «столь кратко, что решение сие не для всех, а особливо противников, может показаться достаточным ответом»²². Труд Алексеева не сохранился, но можно легко догадаться, что его автор шел по стопам своих предшественников.

В начале XIX в. под руководством блестящего знатока древнерусской истории Евгения Болховитинова студентом Петербургской духовной академии И. Лавровым была подготовлена специальная диссертация, посвященная доказательству реальности факта осуждения Мартина²³. Это был замечательный образец рассуждений, призванный запутать в схоластических умозаключениях проблему подлинности и достоверности «Соборного деяния».

Основное внимание в диссертации сосредоточено на доказательстве возможности осуждения в XII в. ереси Мартина и опровержении в этой связи соответствующих аргументов «Поморских ответов».

Отсутствие каких-либо известий о соборе 1157 г. в сохранившихся источниках Лавров объясняет тем, что такой собор мог быть тайным из-за опасения разгласить еретическое учение. Списки «Соборного деяния» или записи в источниках о них, размышляет он, погибли во время ордынского нашествия. Наконец, о соборе могли просто долгое время не знать, как не знали до 1800 г. «Слова о полку Игореве», или же скрывать известия о нем вплоть до XVIII в., так как церковные соборы «имели предмет научить триперстному сложению, а не повествовать о его злоупотреблении». Рассуждение авторов «Поморских ответов» относительно отсутствия в житии киевского митрополита Константина упоминания о каком-либо участии его в суде над еретиком Лавров пытается опровергнуть тем, что житие содержится в краткой редакции «продолжений Несторовой летописи». По его мнению, события 1154—1161 гг. в Киеве, когда князья поочередно захватывали город, породили у киевлян растерянность, они запутались в том, кого считать своим великим князем. Поэтому в «Соборном деянии» Ростислав ошибочно назван как княживший

в Киеве в 1157 г. Впрочем, замечает Лавров, в «Соборном деянии» вовсе не говорится, что Ростислав присутствовал на самом киевском соборе, а сказано только, что осуждение еретика Мартина состоялось при нем, то есть при его жизни.

Пытается Лавров опровергнуть и другие аргументы «Поморских ответов». Касаясь расхождений между пергаментным списком «Соборного деяния» и списком Пителима, он пишет, что оба они не являлись оригиналами, восходя к разным протографам. Летоисчисление от Рождества Христова, наличие «предречий» в конце страниц пергаментной рукописи он объясняет традициями, существовавшими якобы в России и в европейских странах еще с XVII и даже с XV в. Остановливаясь на подмеченном авторами «Поморских ответов» смешении в «Соборном деянии» «славянских и российских речений», Лавров замечает, что «кроме церковных мы ни в одной древней книге не имеем чистой славянской (речи. — В. К.). Сами писатели древних русских книг в употреблении речений не согласны, и мы ясно видим различие между писаниями киевскими, волынскими, новгородскими, московскими, белорусскими и другими».

Лавров вынужден признать, что отсутствие имен и подписей епископов в «Соборном деянии» необычно. Однако «не может стать, — пишет он, — чтобы подлинное “Соборное деяние” на Мартина не было подписано всеми присутствующими на соборе отцами». Во всем, по его мнению, виноват переписчик, не пожелавший даже упомянуть епископов или не имевший их имен в том оригинале, с которого изготовил пергаментную рукопись, обнаруженную в начале XVIII в.

Диссертация Лаврова проблему подлинности и достоверности «Соборного деяния» последовательно переносила в плоскость рассмотрения «внешних обстоятельств» собора 1157 г. и внутреннего его содержания. Иначе говоря, она подменяла рассмотрение вопроса о том, насколько можно доверять рукописи «Соборного деяния», вопросом о том, что такой собор мог состояться в XII в. По существу, в диссертации на основе своеобразной презумпции желательности осуждения еретика в XII в. был дан свод призрачных доказательств этого вымышленного исторического факта. Автор старательно и не без успеха стремился обойти все аргументы «Поморских ответов». Для доказательства своей точки зрения он использовал даже ряд бесспорных наблюдений по текстологии древних рукописей, накопленных к тому времени исторической наукой. Он, например, говорит по меньшей мере о двух редакциях «Соборного деяния», отразивших два разных протографа, апеллирует к переписчику документа, учитывает, что переписчики древних рукописей могли сокращать или дополнять свои оригиналы, и т. д.

Диссертация Лаврова — первый опубликованный и наиболее продуманный свод возражений против «Поморских ответов». В

работе над ней чувствовалась рука Евгения Болховитинова. Отношение к «Соборному деянию» самого Болховитинова претерпело известную эволюцию. В 1807—1814 гг. он выступал поборником подлинности этого документа, о чем свидетельствует его руководство названной выше работой Лаврова. Но в «Описании Киево-Софийской церкви» Болховитинов уже более осторожен в своем отношении к памятнику. Говоря о сочиненной Пителимом «Пращице», он заметил, что в ней помещено «Соборное деяние», «бывшее якобы на некоего еретика Мартина Арменина в Киеве 1157 г ... Но раскольники оспаривают бытие сего собора»²⁴. В «Словаре русских писателей духовного чина» Болховитинов лишь бегло упомянул (в биографии Пителима) о написанной им «Пращице», в издании которой помещено и «Соборное деяние»²⁵.

Отстаивал реальность собора на еретика Мартина и другой знаток отечественных древностей начала XIX в. — И. И. Григорович. Подробно рассказывая в своем исследовании о соборах, бывших в России до воцарения Ивана Грозного, Григорович обещает в будущем написать специальное «суждение», «в котором разрешаются важнейшие возражения поморских или олонекских раскольников»²⁶.

Новый этап в отношении к «Соборному деянию» и «Требнику митрополита Феогноста» начинается с 10-х гг. XIX в., когда оба источника становятся предметом внимания Н. М. Карамзина и молодого, но уже известного своими историческими изысканиями ученого К. Ф. Калайдовича. Сохранившийся дневник Калайдовича живо рисует существовавшую в научных кругах Москвы атмосферу споров вокруг этих документов. Получивший возможность непосредственно познакомиться с рукописями Синодальной библиотеки Калайдович внимательно изучил «Требник». В 1814 г. он сумел получить его даже на руки. «Я, — пишет ученый в своем дневнике, — привозил Карамзину два древних требника, переведенных с греческого, — известный Феогностов и другой, хранящиеся в Синодальной библиотеке. Он долго не соглашался со мною, чтобы письмо по листам требника, переведенного при Феогносте, было подложное; он был уверен, что почерк сей действительно принадлежит к 14 веку и есть рука самого митрополита Феогноста. Я ему возражал, приводя причины, заставившие наше духовенство употребить сие непозволительное средство против раскола; скорописное письмо, едва ли бывшее в начале сего века, свежесть чернил и самый образ сочинения этого известия»²⁷. Касаясь же «Соборного деяния», Калайдович убеждал Карамзина: «Мнимый собор на еретика Арменина относится к 1157 г., но все деяние сего собора вымышлено в улик старообрядцев. Слог нов, и в происшествиях видны анахронизмы»²⁸. После жарких споров Карамзин, как свидетельствует дневник Калайдовича, «признал доказательства мои несомнительными».

Действительно, в «Истории государства Российского» Карамзин заявил, что подпись на «Требнике» ему кажется «сомнительною, то есть новейшею времен Феогностовых», — иначе говоря, сделанной уже после смерти митрополита Феогноста²⁹. Не менее решительно историограф высказался и о «Соборном деянии»: «Мы должны заметить, что ни в летописях, ни в Степенной книге, ни в Стоглаве о том не упоминается; что слог сего деяния кажется не весьма древним ...и что в 1157 году княжил не Ростислав, а Изяслав в Киеве. Подлинник действительно хранится в Синодальной библиотеке, под № 518, но запечатан»³⁰.

Замечания Карамзина о «Требнике митрополита Феогноста» и «Соборном деянии» были первыми печатно высказанными сомнениями в подлинности и достоверности этих источников. Своим авторитетом Карамзин впервые подтвердил публично основательность изобличения фальшивок в «Поморских ответах».

Однако вскоре на точку зрения Карамзина началось мощное наступление. В 1829 г. некий автор, скрывшийся под инициалами «Н. Т.», написал обширную работу, посвященную истории церковных соборов в России³¹. Специальный раздел в ней занял рассказ о «Соборе Киевском», по расчетам автора третий, но «первый по своей важности и предмету». Весьма вольно пересказав дело Мартина, «Н. Т.» затем специально остановился на мнении Карамзина, выдвинув против него четыре контраргумента: 1) кроме собора 1157 г. есть немало событий прошлого, о которых не упоминается в летописях; 2) междукняжеские «смущения» в XII в. могли быть причиною того, что в 1157 г. Ростислав, «не имея в сем году скипетра, имел титул великого князя»; 3) по языку («слогу») трудно отличить древнее произведение от новейшего; 4) список «Соборного деяния», дошедший до нас, может быть не подлинником, а позднейшей копией.

Более изощренная аргументация подлинности «Соборного деяния» была дана Н. Рудневым в его «Рассуждении о ересях и расколах, бывших в русской церкви»³². Впервые полно и точно изложив содержание памятника, автор оставлял потомству «раскрыть и подтвердить все подробности истории» его главного героя. Тем не менее он привел целый ряд действительных исторических фактов о жизни армянских христиан на территории Древней Руси и их попытках в XII в. «узнать истину веры», что, по мнению Руднева, выступало вескими доводами «в защищение подлинности дела о Мартине».

Большое и многословное «Рассмотрение возражений против исторической достоверности соборного деяния о мнихе Мартине Арменине, бывшем в Киеве 1157 года», было помещено митрополитом Игнатием в его вышедшей в 1849 г. книге «История о расколах церкви российской»³³. С «удивлением» отметив, что «даже» Карамзин, как российский историограф, сомневался в подлинности и достоверности «Соборного деяния», Игнатий далее при-

водит целый набор аргументов против этой точки зрения. Их можно свести к следующему. Список «Соборного деяния» был представлен Питириму таким авторитетным человеком, как Д. Ростовский; документ написан на пергамене древним почерком; копия с него, заверенная многими иерархами, послана Питириму с царской грамотой, оригинал находится в официальном хранилище; по указу императора «Соборное деяние» опубликовано, вообще сам Петр I принимал активное участие «в этом деле»³⁴. По мнению Игнатия, не было никакой возможности подделать список «Соборного деяния». «Мнимые ревнители старины (старообрядцы.— В. К.),— пишет он,— сами своими глазами могли видеть список, как были приглашаемы к тому и, без сомнения, видели, как того требовали; по крайней мере никто из них после не имел о нем сомнений».

Далее, останавливаясь на критических выводах Карамзина, Игнатий трактует собор 1157 г. как региональный, а не всероссийский. А раз это региональный собор, то не было необходимости широко освещать его результаты, почему в источниках и не отразилось известие о нем. К тому же татарское нашествие, пожары могли уничтожить другие списки «Соборного деяния».

Подробно разбирает Игнатий и аргументацию «Поморских ответов». Он обращает внимание на то, что московский собор 1667 г. в своем определении дважды упомянул о двуперстном сложении как об армянской ереси. Иначе говоря, заключает автор, собор 1667 г. знал о Мартине, но не захотел подробно говорить о нем, либо его участникам «Соборное деяние» не было известно. Расхождения между списком Дмитрия Ростовского и обнаруженным в Киеве Игнатий, как и Лавров, объясняет их восхождением к разным оригиналам.

В «Соборном деянии», продолжает митрополит, не говорится о том, что собор был при князе Ростиславе, то есть что тот присутствовал на нем,— Ростислав являлся законным великим князем в 1157 г., почему он и упоминается.

Касаясь летоисчисления «Соборного деяния», Игнатий объясняет его следующим образом. Время от Рождества Христова употребляется только в речах Мартина, знавшего тогдашний европейский обычай летоисчисления, в «Сказании» же о самом соборе в начале и в конце употребляются оба хронологических стиля — от сотворения мира и от Рождества Христова, что могло быть характерно для древних рукописей юго-западного происхождения³⁵.

Возвращаясь к замечанию Карамзина о «слоге» «Соборного деяния», Игнатий утверждал, что никто не может поручиться за знание «слога» XII в. Наконец, объясняя изъятие списка «Соборного деяния» из общественного оборота, он восклицает: «Помилуйте! Сочинитель «Истории Пугачевского бунта» сказал также, что подлинное следственное дело о Пугачеве хранится в Государ-

ственном архиве, но под печатью. Следует ли из сего, что и следствия о Пугачеве не было или что оно якобы подложно, поддельно и Пугачева не было?! На все есть свои причины — не одне справочные и ученые. Еще менее может быть подозрения на Соборное деяние о Мартине. Акт в свое время свидетельствован был..., был показан... После означенных теперь свидетельств давно должно, кажется, Соборное деяние на Мартина остаться свободным от всякого подозрения и без нового чьего-либо свидетельства»³⁶.

После работы Лаврова книга Игнатия оказалась наиболее систематизированным сводом «доказательств» подлинности «Соборного деяния». Автором, кажется, был использован весь набор схоластических умозаключений и даже логических правил, призванный отстоять фальшивку. Нельзя не отдать ему должное и в остроумии подбора аргументов, производивших на неискушенного читателя впечатление солидности и научности.

И тем не менее после заключения Карамзина подавляющее большинство серьезных исследователей, в том числе и из церковных кругов, старалось либо не касаться вопросов о подлинности «Соборного деяния» и «Гребника митрополита Феогноста», либо вовсе не упоминать о соборе, осудившем еретика Мартина. Исключением можно считать лишь С. М. Соловьева, который пишет об этом как о факте реально происшедшем³⁷.

Есть объективные причины такой позиции исследователей. Карамзин, освобожденный от всякой, в том числе и духовной, цензуры, имел возможность, хотя и в крайне осторожной форме, высказать свое суждение о подделках. Для других ученых долгое время это было невозможно. О том, как ревниво оберегала церковь фальшивку, красноречиво свидетельствует эпизод, происшедший в 1849 г.

В этом году граф Д. Н. Блудов получил личное разрешение императора Николая I на просмотр рукописей в библиотеках и архивах империи для выявления в них материалов, заслуживающих помещения в задуманное правительством «Государственное древлехранилище». Разрешение касалось и рукописей Синодальной библиотеки, не исключая и те, которые «хранятся в оных за печатью Святейшего Синода, но по существу своему не подлежат какой-либо государственной тайне». Рукописи надлежало переслать в Петербург. В ответ на официальный запрос Блудова митрополит Филарет, которому Синод поручил исполнение, сообщал, что в Синодальной библиотеке «в числе запечатанных рукописей и книг нет памятников, важных для отечественной словесности, а также и для отечественной государственной истории, которые могли бы составить существенную принадлежность предполагаемого государственного хранилища древностей». Филарет рьяно отстаивал право духовной власти на владение и исключительное знакомство с запечатанными материалами, отмечая, что

запечатывание «употреблено, конечно, не для чего иного, как для предупреждения неблагоприятных последствий гласности». В крайнем случае он предлагал произвести распечатывание рукописей в Синоде, после чего принять решение «в предосторожность от неблагоприятных последствий»³⁸.

Однако Блудов сумел настоять на своем. По поручению Синода Филарет вскрыл запечатанные рукописи, в том числе и рукопись «Соборного деяния». Впервые за многие десятилетия у исследователей могла появиться возможность ознакомиться с памятником. Однако, направляя «Соборное деяние» в Петербург, Филарет не упустил случая предотвратить такую возможность. В сопроводительном письме он предупредил Блудова: «Рукопись содержит то, что означено в заглавии, и более ничего и потому есть древность церковная, церковному хранилищу принадлежащая, и не представляет ничего, следующего ко внесению в состав государственного хранилища. Из рассматривания сей рукописи с вероятностью можно вынести заключение, почему она в прежнее время печатью Синода закрыта от любопытства. Известно, что, сделавшись известною в 1718 году, она употреблена была защитниками православия против раскольников как оригинальный акт собора XII века, и что раскольники не признавали ее подлинность. Признаки палеографические не благоприятствуют мнению о глубокой древности сей рукописи. И ее содержание имеет вид не столько соборного деяния, сколько исторического повествования...»³⁹

Таким образом, даже в служебной переписке митрополит Филарет, констатируя ряд признаков, свидетельствующих о подложности «Соборного деяния», проявил завидную изобретательность в отстаивании права на контроль за рукописью со стороны церкви. Оказывается, это все-таки «древность», закрытая печатью всего-навсего «от любопытства», что только раскольники отрицали ее подлинность. Немудрено поэтому, что в конце концов Блудов был вынужден уступить давлению церкви: рукопись была заново опечатана и возвращена на хранение в Синодальную библиотеку.

Сторонники подлинности «Соборного деяния» могли после этого праздновать победу: «Соборное деяние» вновь на долгие годы стало недоступным исследователям, что создавало условия для изобретения схоластических доказательств его подлинности. Однако время шло, историческая наука овладевала все более широким комплексом приемов критического анализа источников, да и сам корпус источников непрерывно пополнялся. Естественно, все это не могло не отразиться и на аргументах защитников подлинности «Соборного деяния». Несомненно, наиболее остроумные соображения были выдвинуты во втором издании «Истории русского раскола» митрополита Макария⁴⁰. Макарий обратил внимание на сочинение игумена Углицкого монастыря

Андроника (1713 г.), в котором приведены выдержки из «Соборного деяния». Это, по его мнению, говорит о том, что оно было известно уже за несколько лет до того, как Питирим предъявил его старообрядцам. Кроме того, Макарий привел из работы историка Н. А. Маркевича текст окружного послания униатов к православным 1596 г., где прямо упоминалась ересь Мартина: «А московское христианство, бывши нам теж единовѣрными, заразилось с давних лет расколом стригольщины, от жидов произшедшим, и ересью, недавно внесенною от армянского мниха Мартина, в Константинополе осужденного и в Киеве всенародно сожженного»⁴¹.

Иначе говоря, согласно Макарию, «Соборное деяние» было известно уже в XVI в., что являлось серьезным подтверждением его подлинности. Однако такое подтверждение лишь на первый взгляд казалось весомым. Это блестяще показал историк Е. Ф. Шмурло. Он обратил внимание на то, что в сочинении игумена Андроника на самом деле ни словом не упоминается о ереси Мартина, а говорится только о спорах по поводу перстосложения, которые после никоновской реформы были чрезвычайно актуальны. Не вызывает у Шмурло доверия и окружное послание униатов 1596 г. Во-первых, отмечает он, в нем говорится, что ересь Мартина появилась «недавно», после ереси стригольников, а значит всего-навсего в XVI, а не в XII в. Во-вторых, здесь сообщается, что Мартин сожжен в Киеве, а не в Константинополе, как следует из «Соборного деяния». «Все это, — заключает Шмурло, — вместе с полным отсутствием указаний у Маркевича на происхождение его источников, не дает нам права делать из окружного послания тех выводов, к каким пришел Макарий»⁴². Действительно, в своем последнем заключении Шмурло оказался абсолютно прав. Текст окружного послания, использованный Макарием, взят им из книги Маркевича⁴³, который, в свою очередь, позаимствовал его из анонимного сочинения середины XVIII в. «История руссов», в основе которого лежит огромный комплекс подложных источников⁴⁴. Автор «Истории руссов», изобретая текст окружного послания униатов, в полном соответствии со своим временем употребил в нем слово «недавно», имея в виду появление в начале XVIII в. «Соборного деяния» на еретика Мартина. Два подложных документа, таким образом, встретились, чтобы взаимно поддерживать друг друга в критические моменты своего существования.

Книга Шмурло окончательно ставила точку над «і» в спорах вокруг «Соборного деяния». В конце XIX — начале XX в. о подложности памятника заговорили открыто. Так, П. И. Мельников-Печерский возникновение идеи подлога прямо связал с именем Петра I, полагая, что Дмитрий Ростовский был «неповинен в этом нехорошем деле»⁴⁵. Н. П. Лихачев в 1901 г. «с грустью» упомянул «Соборное деяние» как «недостойную подделку»⁴⁶.

Однако, очевидно, и в это время опубликовать подробный

разбор фальсификации оказалось невозможно, о чем говорит хотя бы тот факт, что в фундаментальном описании рукописей Синадальной библиотеки, подготовленном историками А. И. Горским и К. И. Невоструевым, о «Соборном деянии» не было даже упомянуто. Зато в вышедшей уже после их смерти последней части этого описания был помещен подробный разбор «Требника митрополита Феогноста». Палеографический анализ рукописи показал, что ее почерк не соответствует ни одному из рукописных памятников XIV в. Язык и содержание свидетельствуют, что «Требник» имеет своим источником один из исправленных в XVII в. изданий памятника (1689 г.). «По рассмотрении сей рукописи,— заключали Горский и Невоструев,— открывается, что Требник, именуемый Феогностовым, представляет много такого, что могло бы служить к обличению упорствующих раскольников в различных их заблуждениях... Если рукопись подлинно принадлежит времени Феогноста митрополита и если перевод ее вполне соответствует подлиннику, как утверждается в подписи, то надобно будет предположить, что не только в России в то время, но и в Греции, откуда привезен подлинник, открывалась потребность в опровержении тех же заблуждений, какие постепенно возросли на русской почве и вполне открылись в XVII столетии... Этот памятник стоит совершенно одиноко среди несомнительных памятников той древности, которую он себе присволяет; тогда как историческими явлениями второй половины XVII столетия он хорошо объясняется»⁴⁷.

В наше время «Соборное деяние» и «Требник митрополита Феогноста» стали классическими примерами фальсификации письменных исторических источников России. Действительно, они стоят у истоков истории сознательных подлогов с отчетливо выраженной идеологической целью, имеют многие из характерных для подделок признаков, а также замечательны историей своего бытования в общественном сознании. История с «Соборным деянием» и «Требником митрополита Феогноста» красноречиво показывает, что в отношении подлогов истина неизбежно торжествует. Наука всегда побеждает в споре со схоластикой, обманом и лицемерием, сколь бы ни был труден путь к обнародованию истины.